

6. РЕПОРТАЖ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧЕСТНЫМ

(Письмо в редакцию)

Вяч. Полонский

«Веч. Москва» напечатала отчет о диспуте «Писатели и политграмма». Отчет утверждает: «В. Полонский защищает Пильняка». Отчет утверждает: «У большинства слушателей создалось убеждение, что редактор «Нового Мира» всячески старался преуменьшить вину Пильняка».

Что значит: «защита Пильняка»?

Пильняк, написав антисоветскую вещь, отвергнутую советской печатью, напечатал ее в эмигрантском издании, т. е. поступил как классовый враг. Этот факт был (предметом диспута. Защищая Пильняка, Полонский — это ясно — «преуменьшал его вину», т. е. отрицал одиозность и контрреволюционность его поступка, находя для него оправдания. «Всячески преуменьшать вину» — это и значит ослаблять возмутительный смысл апелляции к белогвардейской эмиграции.

Такой и только такой смысл вытекает из заметки «Вечерней Москвы». Такого и только такого вывода желает репортер, вводя в заблуждение газету. Но это ложь.

Репортер обманывает и редакцию и читателя. Он делает это сознательно, ибо говорит о «большинстве» аудитории, хотя ни малейших оснований для этого у него нет. Он не заметил и того обстоятельства, что на диспуте, где председательствовал Ф. Раскольников, а докладчиком был Борис Волин, ни Б. Волин, ни Ф. Раскольников, (произнесший заключительную

речь, не отметили моей «защиты Пильняка». Как это могло произойти? Да просто потому, что Пелузо, выступивший с протестом, не говорит по-русски и плохо также понимает русскую речь. Репортеру «Вечерней Москвы», как известно, сделавшей своей специальностью покрывать грязью имя редактора «Нового Мира», показался благодарным повод воспользоваться глупым выступлением Пелузо, речь которого Б. Волин, переводя на русский язык, 'принужден был сильно изменить, чтобы лишить ее неприемлемого для нас характера.

Восстановим истину.

Касательно напечатания «Красного дерева»: я квалифицировал это как акт контрреволюционный, какими бы соображениями Пильняк не руководствовался. Я заявлял, что перекличка с эмиграцией, апелляция к эмиграции возмутительна и преступна, что буря негодования, вызванная этой апелляцией, естественна и правильна, наказание Пильняком заслужено. Я указывал далее на то, что антисоветский характер «Красного дерева» не является случайностью, что не один Пильняк сейчас под антисоветским углом зрения рассматривает происходящее. И, ссылаясь на свою статью, процитированную до меня т. Канатчиковым, я объяснял это тем, что Пильняк—мелкобуржуазный романтик—колеблется от реакции к революции, что делал он это и раньше, что в его

прежних произведениях можно найти и революционные мотивы, и мотивы реакционные. Сейчас Пильняк, а вместе с ним и некоторые другие попутчики рванулись в сторону реакции. Это потому, что сложность (переживаемого момента, обострение классовой борьбы, трудности реконструктивного периода заставляют колебаться наименее устойчивые элементы нашего писательства. И к этому обстоятельству надо отнестись с полной серьезностью. Суть не только в том, что Пильняк написал антисоветскую вещь, суть в том, что наблюдается отход от революции некоторых попутчиков и с этим надо бороться. Как? Я говорил: из истории с Пильняком надо извлечь пользу для нашей литературной общественности. Но польза эта заключается не в том, что мы забьем Пильняка в землю, уничтожим его. Такой задачи мы себе не ставим. Мы не исключаем возможности того, что Пильняк вернется в среду советского писательства. Руководя попутчиками, мы не должны в случаях, подобных обсуждаемому, ограничиваться одними мерами осуждения и сурового общественного воздействия. Мы должны также помогать им изживать всяческие отклонения от правильного пути с тем, чтобы уничтожить возможность повторения таких вещей. Говоря о «перегибах» и «излишествах» кампании, я ясно сказал, что речь идет о товарищах из Сибирской АПП, требовавших ареста и изгнания Пильняка. До моего выступления т. Раскольников сообщил мне, что получил несколько записок, спрашивавших: почему Пильняк не арестован и не выслан? Это и заставило меня коснуться перегибов и подчеркнуть, что наша борьба с уклонами попутчиков должна вестись не только дубинкой, но мерами товарищеского воздействия, раз'яснения, убеждения.

В своем первом выступлении я не считал нужным рассказывать аудитории, что я, когда Пильняк впервые прочитал мне первый вариант «Красного дерева», в присутствии некоторых товарищей я, Полонский, объявил ему, что повесть эта контрреволюционна и напечатана быть не может. После прочтения мне второго, переделанного

варианта я повторил ему то же самое, заявив, что «Новый Мир» эту повесть печатать не будет. Когда Пелузо, уловивший в моей речи несколько эпитетов, связанных с именем Пильняка (Пильняк — талантливый писатель, Пильняк писал и революционные вещи), выступил со своим диким протестом, я принужден был это сказать аудитории. При этом подавляющее большинство слушателей, не заинтересованных в том, чтобы травить редактора «Нового Мира», — я утверждаю это категорически, — подавляющее большинство поняло меня правильно и не приписывало мне оправдания Пильняка в его апелляции к белогвардейщине.

Всякий, кто читал мою статью о Пильняке, поймет, что «Красное дерево» не было для меня неожиданностью.

«...Если бы Пильняк, мелкобуржуазный романтик, знал с первых шагов, где правда — в реакции или в революции, — его творчество было бы иным...»

«...Он как-будто с теми, кто идет вперед, в «завтра», но в то же время как-будто с теми, кто тянет назад, в прошлое. Среди революционеров он кажется иногда реакционным. В реакционном стане его объявили бы революционером. Такова судьба всякого, кто не умеет решать таких вопросов сразу: или там, или здесь. Именно поэтому творчество Пильняка вызывает протесты...»

«...Двойственность его произведений, неустойчивость его социальных воззрений характерны для целого слоя мелкобуржуазных интеллигентов, которые уже вышли из «тупика», но еще не вошли крепким эвеном в революционную современность. Их привлекает и отталкивает революция, они ее любят и ненавидят, хулят и славословят, ждут от нее чудес и не могут примириться с ее терниями. Они все еще между двух берегов, ближе к левому, чем к «правому», но еще не ступили обеими ногами на его раскаленную почву...»

«...От Пильняка можно ждать сурпризов и нельзя с уверенностью сказать: каково будет его новое произведение — плохо или хорошо, революционно или реакционно. Последнее время он как-будто твердо повернул налево.

Это очень хорошо. Но насколько тверд он будет в таком решении? Читатель в нем не уверен. Уверен ли в себе сам писатель?»

(«О современной литературе», критические статьи, ГИЗ, 1929. Стр. 101, 103, 108).

Эти строки напечатаны мною более двух лет назад. Тогда Пильняк написал «Россия в полете», несколько позднее «Сормово». Сейчас он рванулся вправо — и в нынешний момент он не только оказался ближе к «правому» берегу: он на самом правом берегу. И если, вместо того, чтобы вернуться на наш берег, он думает «всерьез и надолго» бросить якорь около берега врагов, Пильняк собственной рукой вычеркнет свое имя из списка советского писательства.

Но в это я не верю. Ибо, если бы я был убежден в том, что, написав антисоветскую вещь, Пильняк, учитывая наперед все последствия, весь политический смысл своего поступка, передал ее для публикации белогвардейцам, я настаивал бы на высылке его туда, где он найдет себе друзей и единомышленников.

Но, повторяю, такого убеждения у меня нет. И потому я считаю необходимым не бить «до бесчувствия» Пильняка, а, жестоко наказав, попытаться вернуть его на путь советского писательства.

Таков и только таков был смысл моей речи.

Надо, кроме того, понять, что дело не в одном Пильняке. История с «Красным деревом» переросла рамки происхождения, связанного с индивидуальным именем. Общественный смысл этого происшествия заключается в том, что «Красное дерево» вскрыло широкий процесс перерождения старого попутничества. Можно сказать, что история эта обнаружила: старого попутничества нет, оно умерло, ушло в прошлое вместе с историческим периодом, его породившим. Сейчас приходится иным содержанием наполнять термин «попутчик». И болотное гниение, какое открылось во Всероссийском союзе писателей, показывает, что говорить следует не об одном Пильняке, а о целом слое советского писательства, который, желая быть советским, на деле либо отсиживается от современности в некоем литературном «бесте», либо активно препятствует этой современности. Широкий общественный смысл явления не следует подменять вопросом о Б. Пильняке, об его индивидуальной вине и об его индивидуальной судьбе.

* * *

— Писатель должен быть честен,— сказал в заключительном слове Ф. Раскольников. Это сущая правда.

Репортер — в некотором смысле тоже писатель.

Честность поэтому должна быть обязательна и для репортера.